

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 5–19
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 5–19
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-5–19

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ САКРАЛЬНОЙ РОЛИ ВЕЛИКОЙ ЦАРСКОЙ СУПРУГИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АМЕНХОТЕПА III И ЭХНАТОНА

В.А. Большаков

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
vb.scriba@gmail.com

Аннотация. Предметом статьи является исследование сакральной роли великой супруги царя (*hmt nswt wrt*) в контексте идеологии времени правления царей второй половины XVIII династии – Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона). Сущность сакральной роли главных представительниц царской семьи – Тии и Нефертити – определяется автором как совокупность культово-церемониального и теологического аспектов. Особое внимание в статье уделяется идеологическим предпосылкам беспрецедентного возвышения обеих царских жен – Тии и в еще большей степени Нефертити. Краткий обзор изобразительных и эпиграфических источников, относящихся к Тии, с точки зрения автора, позволяет сделать вывод о прямой связи между официальной репрезентацией царской пары как божественной и новыми теологическими тенденциями в египетской религии.

Получившая при Аменхотепе III развитие «новая солнечная теология», характеризующаяся концентрацией на идее верховного солнечного божества, явилась предвосхищением радикальной религиозной реформы Аменхотепа IV (Эхнатона) в виде культа Атона. Исходя из этого, необычное положение и сакральная роль Нефертити в контексте «амарнской религии» отчасти рассматриваются как следствие дальнейшего развития теологических построений и преемственности традиций предшествующего царствования. В связи с гипотезой об адаптации Эхнатона древней гелиопольской космогонии автором также поднимается вопрос о роли Нефертити в амарнской теологической системе как вероятного олицетворения божественного женского начала.

Данные об авторе: Большаков Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов.

Статья основана на докладе, сделанном на Конференции памяти В.А. Якобсона «Общество и культура Древнего Востока» в Институте восточных рукописей РАН (18-19.03.2019).

Ключевые слова: Древний Египет, Новое царство, Аменхотеп III, Тии, Эхнатон, Нефертити, древнеегипетская религия, идеология царской власти

Одной из характерных особенностей института царской власти эпохи Нового царства, нашедших зримое выражение в многочисленных изобразительных источниках, является заметно усилившийся акцент на главных представительницах семьи царя. Уже с конца XVII династии памятники позволяют проследить относительно устойчивую тенденцию к постепенному усилению династической и культово-церемониальной роли царственных женщин – в первую очередь, матери царя и его главной («великой») супруги. В частности, проявлением данной тенденции служит присутствие матери или супруги царя в официальных сценах отправления им различных ритуалов и церемоний. В современной египтологии участие царственных женщин в совершении царем различных ритуалов, как правило, интерпретируется в связи с актуализацией их сакральной роли, понимаемой как необходимое условие для обновления вселенной и постоянства института царской власти в целом¹. Данная концепция, впервые сформулированная в монографии Л. Трой², предполагает, что главные представительницы семьи царя – его мать и великая супруга – являлись воплощением божественного женского начала, земной персонификацией богинь-спутниц солнечного божества, с которым, в свою очередь, отождествлялся правящий царь. Несмотря на ряд весьма уязвимых и спорных положений данной концепции, наличие более или менее выраженных параллелей, проводившихся между матерью и главной супругой царя и богинями египетского пантеона, тесно связанными с идеологией царской власти и солнечным культом, не подлежит никакому сомнению. Отметим, например, что к середине XVIII династии в иконографии царской супруги и матери появляются атрибуты в гораздо более явной, чем прежде, форме, сближающие ее с образом богини Хатхор, занимавшей особое место по отношению к царю еще в эпоху Древнего царства.

Кульминация сакральной роли царственных женщин эпохи Нового царства приходится на время правления Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона) в лице великих супруг обеих царей – Тии и в еще большей степени Нефертити. Неоднократно отмечалось, что прежде Тии ни одна царственная женщина не занимала столь заметного места на памятниках вместе с правящим царем – от колоссальных скульптурных групп до миниатюрных предметов роскоши и ювелирных украшений³. Необычная роль Тии и Нефертити на протяжении всего правления обеих царей и широкий круг связанных с ними источников давно служат предметом различных, порой, противоречивых предположений. В частности, одним из ключевых вопросов, до сих пор не имеющих однозначного решения, являются причины новой формы официальной репрезентации обеих царских супруг. Было ли это следствием индивидуальных предпосылок (личного влияния царской су-

¹ Troy 1986; Manniche 2001, 157–159; Robins 2001, 105–106; Lohwasser 2001, 74; Troy 2008, 159, 163; 2002, 24; Tyldesley 2012, 7; Graves-Brown 2001, 129.

² Troy 1986 *passim*.

³ Количество известных на данное время памятников, относящихся к Тии, столь велико, что для описания всего перечня потребовалось бы отдельное исследование. Отчасти это было сделано при издании каталога выставки, посвященной времени Аменхотепа III (Kozloff, Bryan, Berman 1992; Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993), и в фундаментальной монографии К. Байера (Bayer 2014).

пруги и/или особого расположения к ней царя), династических соображений, политических амбиций или же определялось объективными причинами? Не отрицая существования субъективных факторов, степень влияния которых на возвышение той или иной царственной женщины по имеющимся источникам доказать весьма затруднительно, мы считаем, что в основе исключительного положения великих царских супругов Аменхотепа III и Эхнатона лежали изменения в идеологической сфере. Как нам представляется, систематическое присутствие на памятниках вместе с царем его великой супруги – Тии и, особенно, Нефертити – явилось итогом наметившихся в начале Нового царства изменений в идеологии царской власти с особым акцентом на роли ключевых представительниц семьи царя – его матери, великой супруги и отчасти дочерей.

Как известно, время правления Аменхотепа III представляет собой качественно новый этап в развитии теологической мысли и идеологии царской власти. Если первые двадцать лет его правления могли бы быть охарактеризованы как количественное нарастание традиционного царского дискурса, то ко времени первого хеб-седа Аменхотепа III, состоявшегося на тридцатом году правления, появляются важные свидетельства прижизненного обожествления царя с выраженным акцентом на солярном аспекте его сущности⁴. В частности, в текстах последней трети правления Аменхотепа III царь не только предстает живым воплощением Ра-Хорахти⁵, но сравнивается и с другими богами: Амоном, Атоном, Хором, Монту, Птахом, Сетхом, Тотом, Гебом⁶. Однако в подобных сравнениях особое предпочтение все-таки отдается различным формам бога солнца⁷, а некоторые эпитеты напрямую отождествляют с ним Аменхотепа III: «образ Ра во главе Обеих Земель» (*tit R^c hnt t3wy*)⁸, (*tit R^c ndty n W3st*), «Ра, сияющий подобно Ахти» (*R^c psD.f mi 3hty*)⁹, «бог благой, равный Ра, освещающий Обе Земли как Ахти, владыка лучей на лице подобно Атону» (*ntr nfr mity R^c shd t3wy mi 3hty nb stwt m hr mi itn*)¹⁰, «образ его божественный прекрасный» (*tit.f ntrt 'nt*)¹¹, «образ Ра, сияющий ликом, сияющий подобно Атону» (*tit R*

n hr h^c mi itn)¹². Наряду с распространенным эпитетом «образ Ра» (*tit R^c*), встречаются и другие варианты сравнения царя с солнцем: «Ра народа» (*R^c n rhyt*)¹³, «Ра девяти луков (т.е. иноземцев)» (*R^c n pdt psdt*)¹⁴, «подобие Атона» (*mity itn*), «Атон сияющий» (*itn thn*)¹⁵, «Атон сияющий, владыка всех стран» (*itn thn nb t3w nbw*), «Атон – солнце страны Небмаатра» (*itn t3 pw Nb-M3^ct-R^c*)¹⁶. Следует,

⁴ С точки зрения Р. Джонсона, в основе обожествления Аменхотепа III лежала религиозно-политическая стратегия, нацеленная на уменьшение влияния культа Амона и его жречества (Johnson 1999, 45).

⁵ Johnson 2001, 89–90.

⁶ Bickel 2002, 67.

⁷ Bickel 2002, 67–68.

⁸ Urk. IV, 1667, 1702.

⁹ Urk. IV, 1695.

¹⁰ Urk. IV, 1670.

¹¹ Urk. IV, 1724.

¹² Urk. IV, 1761.

¹³ Redford 1995, 171.

¹⁴ Urk. IV, 1652.

¹⁵ Urk. IV, 1737.

¹⁶ Bickel 2002, 68.

впрочем, отметить, что постоянное сравнение Аменхотепа III с различными формами солнечного божества полностью находится в русле заметно усилившейся к середине XVIII династии новой теологической тенденции в египетской религии, подразумевавшей, что практически любое божество пантеона являлось в сущности лишь одним из воплощений (*hprw*) верховного бога-демиурга¹⁷.

В отличие от Аменхотепа III, *прямые* сравнения великой царской супруги (за исключением единственного примера¹⁸) с богинями в текстах отсутствуют, поэтому основным источником, позволяющим выявить существование подобных параллелей, служит иконография Тии и контекст культово-церемониальных сцен с ее участием. Прежде всего, существование более или менее отчетливо выраженного отождествления Тии с богинями прослеживается как в придании их изображениям внешнего сходства с царской супругой¹⁹ так и в наделении последней символическими атрибутами богинь²⁰. Однако преобладающий мотив в иконографии великой царской супруги – это солярная символика, тесно связанная с образом Хатхор. Речь идет о так называемой «хаторической» короне Тии, состоящей из комбинации нескольких элементов: цилиндрической основы-*модия*, двух уреев, коровьих рогов с солнечным диском посередине и двух прямых перьев-*шуту*²¹. Косвенным признаком отождествления Тии с Хатхор могут также служить связанные с ее культом ритуальные атрибуты – фигурные противовесы ожерелья-*менат*, выполненные в виде головы богини с чертами Тии²². Приведенные примеры позволяют заключить, что *посредством изобразительных средств* великая царская супруга целенаправленно отождествлялась с главными богинями пантеона и, прежде всего, с богиней-спутницей бога Ра.

Пожалуй, в наиболее завершенном виде теологическая модель «царь и его супруга – божественная пара» нашла монументальное воплощение в нубийских храмах в Солебе и Седеинге, по-вероятно, являвшихся частью единого архитектурного замысла²³. В настоящее время оба храма практически полностью разрушены²⁴, но даже сохранившиеся фрагменты их декора позволяют говорить о прижизненном почитании Аменхотепа III и Тии. Так, в Солебе Аменхотеп III изображен отправляющим культ перед собственной статуей «Небмаатра, владыкой Нубии, богом великим» (*Nb-m3^ct-r^c nb T3-Sty ntr^c 3*) с атрибутами Амона и Хонсу – в платке-*немесе* с бараньими рогами и в низком *модии*, увенчанном комбинацией лунного диска и полумесяца²⁵. Последний элемент позволяет интерпретировать образ Аменхотепа III или как земное воплощение Хонсу, или лунного Ока Хора²⁶.

¹⁷ Laboury 2010, 75.

¹⁸ См. сноску 37.

¹⁹ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 348–349, cat. 105, fig. 105a; 322–323, cat. 89–90.

²⁰ См., например: Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 145–147, cat. 15; 164–165, cat. 22.

²¹ Bayer 2013, taf. 26–27, 35, 44a, 45a, 62, 66–67, 69b.

²² Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 322–323. Cat. 89–90. Весьма показательны, что при Аменхотепе III в иконографии Хатхор появляются головные уборы такого же типа, как у царской супруги (Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 147).

²³ Leclant 1965, 215–216.

²⁴ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 87. Fig. IV.26, 90. Fig. IV.31. Полностью изданы только рельефы храма в Солебе (Schiff-Giorgini Soleb. T. I-VII). О храме в Седеинге см.: PM VII, 166; Schiff-Giorgini 1965, 112–30; LÄ V, 779–782.

²⁵ Schiff-Giorgini 1998, pls 260–261, 268–269.

²⁶ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 89; Cabrol 2000, 380–381.

Что касается храма в Седеинге, то отдельные элементы его декора (колонны с «хаторическими» капителями, фрагмент рельефа с изображением Ти́и в виде сфинкса²⁷, блок с эпитетом «великая ужасом, госпожа всех земель» (*ʿ3t nrwt ḥnwt t3w nbw*²⁸)) дали основание предполагать, что в этом святилище супруга царя почиталась в качестве гневной формы солнечного Ока – богини Хатхор/Тэфнут²⁹, а оба нубийских храма, таким образом, иллюстрируют доминирующую теологическую концепцию своего времени: Аменхотеп III и Ти́и – земное воплощение Ра и Хатхор/Тэфнут.

Весьма примечательно, что среди многочисленных титулов и эпитетов Ти́и (всего в настоящее время известно 24 элемента)³⁰, ни разу не встречаются титулы «супруга бога» и «рука бога» (*ḥmt ntr n ʿImn*, *drt ntr*), обозначавшие с начала XVIII династии роль великой царской супруги в культе Амона-Ра. Поскольку при Аменхотепе III обе названные жреческие должности не были упразднены (ритуальные функции «супруги и руки бога» продолжала исполнять жрица-заместительница³¹), отсутствие этих элементов в официальном протоколе Ти́и (как, впрочем, и у матери царя Мутемуйи)³² выглядит сознательным отказом от их использования, обусловленным, вероятно, сознательным смещением акцентов религиозной политики Аменхотепа III в сторону гелиопольской теологии в противовес фиванскому Амону.

Что касается участия Ти́и в ритуалах и церемониях, то наиболее показательными свидетельствами ее сакральной роли являются сохранившиеся в декоре гробницы Херуефа и частично в храме в Солебе³³ сцены празднования царских хеб-седов 30 и 37 гг. В изображенных в первом дворе солебского храма сценах празднования первого хеб-седа почти во всех эпизодах царь представлен вместе с Ти́и, сжимающей в руках инсигнии своего сана: жезл-*ḥts* и так называемый «цветочный жезл»³⁴. Еще больший интерес представляют сцены хеб-седа 37 года, сохранившиеся в гробнице Херуефа (ТТ 192)³⁵, в которых Ти́и также сопровождает Аменхотепа III. Конкретная роль Ти́и в хеб-седных церемониях, правда, неясна, но, принимая во внимание выраженные солярные аллюзии в общем контексте сцен (выход царственной пары из дворца, ритуальное плавание в ночной ладье-*msktt*, присутствие рядом с царем богини Хатхор), значение Ти́и едва ли

²⁷ Bayer 2013, taf. 51.

²⁸ LD III, 82g; PM VII, 166; LD III, 82, h.

²⁹ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 90.

³⁰ В основном собраны в монографии Л. Трой (Трой 1986, 166).

³¹ См. сцены в храме в Луксоре, помещение В (Gayet 1984, pls XXXV, LI). Следует при этом отметить полное отсутствие в декоре Луксорского храма изображений Ти́и и упоминаний о ней, которые едва ли можно объяснить степенью сохранности всего комплекса.

³² Более того, нет сведений, что титулы «супруги и руки бога Амона» носили дочери Аменхотепа III и Ти́и – Сатамон, Исет, Хенуттанеб, Небетех.

³³ Имеются, впрочем, основания считать, что царская супруга принимала участие в церемониях хеб-седа и раньше – еще в эпоху Древнего царства. В частности, на это указывает имя супруги Нефретханебти (?) на одном из рельефов со сценами хеб-седа из припирамидного комплекса Сахура (Vorhardt 1913, 116–117, taf. 48).

³⁴ Schiff-Giorgini 1998, pls 260–261, 268–269.

³⁵ Титулы Херуефа – «относящийся к знати, князь, писец царя, любимый им, начальник дома великой царской супруги Ти́и» (*((i)r(y)-pʿt, ḥ3ty-ʿ sš nswt mry:fimy-r pr n ḥmt nswt wrt (Tii))*) – указывают на то, что он занимал положение дворецкого Ти́и. См.: The Tomb of Kheruef 1980, pls 8,10; Urk IV, 1859–1860.

ограничивалось исключительно представительскими функциями как «почетной» статистики. Согласно Э. Венте, весь комплекс сцен хеб-седа в гробнице Херуефа может быть интерпретирован как иллюстрация ритуалов, имитирующих ежедневный солнечный цикл, в которых Тии и Аменхотеп III предстают земным воплощением божественной солнечной пары – Ра и Хатхор³⁶. Тем не менее сопроводительные тексты к сценам содержат лишь прямое указание на теологическую роль Тии в хеб-седных церемониях: «великая царская супруга, любимая им Тии, да живет она! Она – в свите Величества Твоего, подобно Маат, сопровождающей Ра» (*ḥmt nswt wrt mrt.f (Tii) | ḥt.ti wn.s m šms ḥm.k mi M3t šms R*)³⁷. Подчеркнем, что в религиозных текстах Маат постоянно именуется «дочерью Ра» и, если принять данный эпитет буквально, то богиня предстает сестрой царя – «сына Ра»³⁸. Как известно, в древнеегипетском сознании Маат, являвшаяся дочерью солнечного бога-творца, воплощала принцип, необходимый для надлежащего поддержания в гармонии установленного вселенского миропорядка. Более того, согласно «Текстам Саркофагов», Маат также служит пищей и дыханием Атума-Ра³⁹. Следовательно, прямое отождествление Тии с богиней Маат в вышеуказанной надписи отражает ее ритуальную роль, по меньшей мере в одном из эпизодов хеб-седных ритуалов; подобно Маат, обновляющей силы своего отца Атума-Ра, Тии способствует возрождению сил сопоставляемого с Ра царя.

Участие Тии как одного из главных действующих лиц в хеб-седе также демонстрируют фрагменты рельефов из храмового комплекса в Ком эль-Хеттане⁴⁰ и миниатюрные сцены, вырезанные на трех сердоликовых пластинках⁴¹. На лицевой поверхности одной из пластинок помещена зеркальная сцена с изображением Тии, протягивающей сидящему в хеб-седной беседке Аменхотепу III пальмовые ростки-*rnpt* – символ долголетия и возрождения, относящийся к хеб-седной иконографии⁴². Сцены на двух других пластинках, по всей видимости, также изготовленных по случаю одного из трех хеб-седов, напротив, показывают Тии и Аменхотепа III как объект поклонения со стороны царевен. Так, на одной пластинке две царевны протягивают сидящему на троне Аменхотепу III символические предметы – пальмовые ростки и сисстры, а на другой – царевны Хенуттанеб и Исет изображены звенящими систрами, т.е. совершающими ритуальное действие культового почитания царя как божества⁴³. Таким образом, приведенные примеры достаточно ясно показывают, что более или менее выраженные параллели, проводившиеся между царем и божеством солнца, с одной стороны, и его супругой и богинями-спутницами верховного божества, с другой, вполне укладываются в господствующий при Аменхотепе III теологический дискурс.

³⁶ Согласно Э. Венте, сцена торжественного выхода царя из дворца (Kheruef 1980, pl. 24) содержит аллюзию на появление на небосклоне Ра (Wente 1969, 88, 90).

³⁷ The Tomb of Kheruef 1980, pl. 26.

³⁸ Hornung 1998, 132, 134.

³⁹ СТ II, 80, 35 c-d, g; СТ VII, 1029, 254 b-c. См. также: Bickel 1994, 171–174.

⁴⁰ Haeny 1981, taf. 40 (63).

⁴¹ К сожалению, отнести изготовление пластинок браслетов (всего их известно 5) к какому-то определенному из трех хеб-седов Аменхотепа III не представляется возможным. По мнению У. Хэйса, их изготовление было приурочено к первому хеб-седу 30 года (Hayes 1959, 242–243).

⁴² Метрополитен-музей. Нью Йорк. Инв. MMA. 26.7.1340 (Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 377, cat. 123).

⁴³ Метрополитен-музей. Нью Йорк Инв. MMA. Инв. 1944 (44.2.1) (Arnold 1996, 8, fig. 4).

Более того, господствующая в последнюю декаду правления Аменхотепа III солнечная теология, характеризующаяся концентрацией на идее верховного солнечного божества, вобравшего в себя образы всех остальных богов, во многом явилась предвосхищением солнцепоклоннической реформы Аменхотепа IV (Эхнатона)⁴⁴. И хотя между солярными теологическими построениями, получившими развитие при Аменхотепе III, и появлением амарнской религии нельзя провести прямую линию⁴⁵, едва ли возможно отрицать, что теологическая мысль Эхнатона не могла не испытать глубокого воздействия новых тенденций в египетской религии⁴⁶. «Новая солнечная теология», по определению Я. Ассмана, возникла незадолго до эпохи Амарны, и не приходится сомневаться, что амарнская религия выросла из этого движения и является его радикальным вариантом⁴⁷. Иначе говоря, солнцепоклонничество Эхнатона представляло собой не что иное, как радикализированную форму новой солнечной теологии с особым акцентом на дуализме бог-царь⁴⁸. Надо полагать, именно с изменениями, произошедшими в рамках религиозной реформы Эхнатона в понимании сакральной роли царя, нужно связывать и возросшее значение Нефертити, отныне являющейся его непременной спутницей. Однако, несмотря на решающее воздействие амарнской религии на характер официальной репрезентации Аменхотепа IV и Нефертити, импульсом для формирования нового образа царственной пары, скорее всего, послужила модель, сформировавшаяся еще в предшествующее царствование.

Представление о характере сакральной роли Нефертити на начальном этапе правления Эхнатона⁴⁹ дают сцены на многочисленных песчаниковых блоках (так называемые *талататы*), извлеченных из вторичных построек Карнакского храма (в частности, II, III, IX и X пилонов). Так, сцены из различных святилищ карнакского комплекса Атона демонстрируют участие Нефертити в культе до степени, сопоставимой с ролью самого царя: Нефертити не только систематически появляется в сценах жертвоприношений Атону в паре царем, но и в ряде случаев выступает как главное священнодействующее лицо; в частности, так она предстает в сценах, происходящих из святилища *Хут-бенбен* (*Hwt-bnbn*) в Карнаке⁵⁰. В ходе исследования талататов из Карнака (The Akhenaten Temple Project), проводившегося в 1960–70-х гг., было подсчитано, что из 564 эпизодов, содержащих изображение или упоминания Нефертити, только 14 процентов имели отношение к

⁴⁴ Akhéton et Néfertiti 2008, 22.

⁴⁵ С точки зрения Р. Джонсона, обожествление Аменхотепа III и его последующее отождествление с Атоном, вероятно, явилось феноменом, придавшим импульс всему амарнскому периоду (Johnson 1999, 46).

⁴⁶ Johnson 1999, 45; Akhéton et Néfertiti 2008, 22.

⁴⁷ Ассман 1999, 299.

⁴⁸ Akhéton et Néfertiti 2008, 22.

⁴⁹ Датировка событий на памятниках начала правления Аменхотепа IV у разных авторов расходит. Самыми ранними известными изображениями Нефертити являются сцена в гробнице Рамосе (ТТ 55. – Davies 1941, pl. XXXIII) и карнакские сцены хеб-седа Аменхотепа IV (см.: Smith, Redford 1976, pls). К. Тронекер относит первое появление Нефертити ко времени празднования хеб-седа Аменхотепа IV, который он относит ко 2 году правления (Graeubner 2005, 124.) Более обоснованной нам представляется датировка проведения хеб-седа Аменхотепа IV 4 годом, когда была изобретена технология строительства из талататов. К этому же году, скорее всего, относится и брак царя с Нефертити (Gabolde 1998, 26–27; Akhéton et Néfertiti 2008, 42–43; Laboury 2010, 145).

⁵⁰ Smith, Redford 1976, 45–46; Redford 1987, 76–77, figs 6–7.

царю⁵¹. Более того, помимо сцен отправления царской супругой культа Атона без посредничества царя⁵², на карнакских памятниках Эхнатона в иконографии Нефертити также появляются и другие мотивы, прежде являвшиеся исключительной царской привилегией: например, сцены личного избияния врагов-иноземцев⁵³ и изображение в облике сфинкса⁵⁴.

Таким образом, мы вплотную подходим к вопросу, в чем заключались ритуальные функции Нефертити в контексте новой культовой практики и какова была ее сакральная роль в амарнской религии вообще? Давно было подмечено, что не только сама Нефертити, но и ее старшие дочери (Меритатон и Макетатон) занимают в храмовых сценах особое место в отпращивании культа Атона⁵⁵. Точное значение роли царевен, постоянно фигурирующих в культово-церемониальных сценах, еще предстоит объяснить, однако характер их изображений с подчеркнута зрелыми женственными формами позволяет предположить, что активное участие дочерей Эхнатона в культе Атона было одним из необходимых элементов солнцепоклоннической теологической системы⁵⁶. Изучение талататов из Карнака и Ахетатона (Амарны), впрочем, показало, что степень самостоятельности Нефертити в культе Атона не следует переоценивать: как правило, великая царская супруга представлена приносящей жертвенные дары Атону в паре с Эхнатоном, который выступает главным действующим лицом. Понимание конкретных ритуальных функций Нефертити в культе Атона дополняют ее эпитеты – «чистая руками» (*w^cbt ꜥwy*)⁵⁷, «умиротворяющая Атона голосом нежным (и) руками (держашими) сестры» (*shꜣtꜣt ꜣꜣ itn m hrw ndm m nꜣy.s drty nw hr sššwt*)⁵⁸. С этими функциями Нефертити как жрицы Атона, скорее всего, связан также и ее эпитет «прекрасноликая, красивая в головном уборе-шуту, любимая Атоном живым» (*nfrt hr ꜥnt m šwtꜣ šrrt ꜣꜣ itn ꜥnh*)⁵⁹. В этом отношении сакральная роль Нефертити в культе Атона во многом перекликается с функциями «супруги бога» в культе Амона фиванского⁶⁰, заключающимися, как предполагается, в побуждении бога-творца к обновлению вселенной. Как показали исследования карнакских культово-церемониальных сцен, ритуальная роль Нефертити, действительно, во многом оставалась в русле традиционной культовой практики⁶¹. Например, некоторые сцены хеб-седа Эхнатона в Карнаке обнаруживают близкие параллели со сценами хеб-седа Аменхотепа III, причем при появлении новых элементов в иконографии Нефертити также сохраняются и традиционные атрибуты царской супруги⁶², в том числе и корона

⁵¹ Smith, Redford 1976, 79–80.

⁵² Smith, Redford 1976, 43, 45–46.

⁵³ Tawfik 1975, 163, fig. 1, taf. 52a.

⁵⁴ Ibid, 163, fig. 1, taf. 52a.

⁵⁵ Hornung 1999, 74.

⁵⁶ Kemp 1989, 266; об этом также см.: Stevens 2004, 109ff.

⁵⁷ Martin 1989, 22, pl. 22; Блок из Гермополя (Бруклинский музей. Нью-Йорк. MMA 219.49, 573, 597, 604. James 1974, pl. 76, n 306).

⁵⁸ Надписи в амарнской гробнице Эйе (Davies VI, 1908, pl. XXV).

⁵⁹ Данный эпитет засвидетельствован в надписях в гробницах Маи (Davis V, 1908, pl. V), Панехси (Davis II, 1905, pl. VII) и на пограничной стеле S (Davies V, 1908, pl. XXVI).

⁶⁰ Aldred 1988, 223–224.

⁶¹ Traunecker 2005, 124; Akhénaton et Néfertiti 2008, 53.

⁶² Traunecker 2005, 124; Akhénaton et Néfertiti 2008, 53.

«хаторического» типа⁶³. Более того, по мнению К. Тронекера, даже само имя царской супруги – Нефертити («прекрасная пришла») – представляет собой своеобразное теологическое имя, указывающее на ее возможную роль в heb-sede как земной персонификации Хатхор⁶⁴. В этой связи отметим, что присутствие в иконографии Нефертити мотивов, относящихся к Хатхор, засвидетельствованных на начальном этапе религиозной реформы, сохраняется и спустя годы после переезда двора в Ахетатон⁶⁵! Вероятнее всего, наличие в иконографии царской супруги головного убора этого типа следует объяснять терпимым отношением Эхнатона к древней солярной символике в целом.

Всего, по классификации Д. Рэдфорда, на рельефах из Карнака Нефертити изображена носящей 5 различных типов головных уборов: 1) венец, представляющий собой комбинацию из основы-*модия*, рогов коровы с солнечным диском между ними и двух прямых перьев-*шутти*; 2) трехчастный парик, завитый короткими локонами; 3) перья-*шутти* без солнечного диска; 4) «нубийский» парик; 5) завитой парик, напоминающий плат-*афнет*⁶⁶. Что касается синей цилиндрической короны Нефертити, как на знаменитом берлинском бюсте, то этот тип головного убора регулярно появляется на памятниках, созданных после переезда двора в Ахетатон.

Если характер ритуальных функций Нефертити в культе Атона в основном не вызывает вопросов, значительно сложнее интерпретировать роль царской супруги в солнцепоклоннической религиозной системе в целом. Как известно, единственным божеством в ней декларировался Атон, однако молитвенные обращения придворных к супруге царя⁶⁷ (в частности, молитвы Эйе⁶⁸) и манера изображения царской семьи на ряде памятников создают впечатление, что «возлюбленная Атоном живым» Нефертити (*mrrt p3 itn ʿnh*)⁶⁹ как будто также выступала наряду с царем посредницей между Атоном и людьми⁷⁰. Согласно Я. Ассману, речь идет о новой божественной триаде, структура которой определена уже во вступлении Большого Гимна Атону⁷¹: «Прославление “Ра-Хорахти, ликующего на небосклоне, в имени своем как Шу, который и есть Атон” <...> живого и великого Атона <...> и царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего истиной, владыки Обеих Земель Неферхепрура-Ваэнара, сына Ра, живущего истиной, владыки венцов Эхнатона, большого по веку своему, и великой царской супруги, возлюбленной им, владычицы Обеих Земель Нефернефруатон-Нефертити, да будет она жива, здорова, молода вечно, вековечно»⁷². С точки зрения Д. Уилсона и Б. Матьё, вступление и заключение Большого Гимна Атону фактически содержат обращение к трем лицам: к солнечному богу, зримой формой которого является Атон, а также к царю *и его супруге*

⁶³ Smith, Redford 1976, 81.

⁶⁴ Traunecker 2005, 124.

⁶⁵ Ср.: Van de Walle 1980, 32.

⁶⁶ Smith, Redford 1976, 81.

⁶⁷ Перепелкин 1979, 15–16.

⁶⁸ Davies VI, 1908, pl. XXV.

⁶⁹ Davies V, 1908, pl. IV.

⁷⁰ Green 1992, 483.

⁷¹ Grandet 1995, 98–99, 118–119. Assmann 2001, 216. Я. Ассман, кроме того, полагает, что Эхнатону была известна космогоническая концепция, изложенная в главах 75–83 «Текстов Саркофагов», так называемая «теология Шу» (Assmann 1995, 80; Fermat 2011).

⁷² Текст в гробнице Эйе в Ахетатоне (Davies VI, 1908, pl. XXVII).

ze⁷³. Гимн Атону завершается следующими словами: «Ты поднимаешь их (людей – В.Б.) ради сына твоего, вышедшего из твоей плоти, царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего истиной, владыки Обеих Земель Неферхепрура-Ваэнра, сына Ра, живущего истиной, владыки венцов Эхнатона, большого по веку своему, (и) ради великой царской супруги, возлюбленной им, владычицы Обеих Земель Нефернефруатон-Нефертити, да будет она жива и молода вечно, вековечно!»⁷⁴ Не исключено, что сам принцип появления новой триады Атон – Эхнатон – Нефертити был обусловлен особенностью древнеегипетского религиозного мышления с его пристрастием к симметрии и к объединению семей богов в группы из трех членов⁷⁵. Изобразительным воплощением новой триады служат домашние стелы⁷⁶, на которых она композиционно организована по пирамидальной схеме: находящиеся в окружении дочерей Эхнатон и Нефертити сидят напротив друг друга под лучами парящего над ними солнечного диска (Атона)⁷⁷.

И хотя просьбы амарнских сановников о надлежащем погребении ожидаются от Атона и царя, а не от Нефертити, адресованные ей молитвы и просьбы заупокойных жертв свидетельствуют о наделении царской супруги функциями традиционных богинь-защитниц умерших⁷⁸. В этом же ключе обычно интерпретируется наличие на внешних углах саркофага Эхнатона фигурных изображений Нефертити, охватывающей руками его стенки наподобие богини-защитницы⁷⁹.

⁷³ Akhénon et Néfertiti 2008, 55; Wilson 1973, 239.

⁷⁴ Davies VI, pl. XXVII.

⁷⁵ Hornung 1999, 74.

⁷⁶ Считается, что такие стелы предназначались для домашних алтарей (Aldred 1988, 223). Впрочем, значение сцен, изображающих царскую семью, остается дискуссионным (Baines 2001, 293). Поскольку окончательно такая иконография царской семьи сложилась уже после переезда двора в Ахетатон, ее формирование заманчиво связать с запретом культа фиванской триады и прочих богов традиционного пантеона. Обычно сцены семейного и дворцового быта в святилищах Атона расцениваются как замещение элиминированных изображений богов традиционного пантеона, изображения которых составляли основу декоративной программы храмов (Speiser 2010, 89). Несмотря на то, что некоторая ритуализация повседневной жизни царя наметилась еще при Аменхотепе III, в амарнский период она приобрела характер настоящей литургии (Traunecker 2005, 129–130).

⁷⁷ Например, Берлинская стела ÄS 14 145 (Arnold 1996, 98, fig. 88) или стела из Каирского музея JE 44865 (Freed, Markowitz, D'Auria 1999, 106, fig. 70).

⁷⁸ Перепелкин 1979, 16–17. Из надписи в гробнице Хуйи известно, что Тии тоже являлась адресатом молитвенных обращений (Davies III, 1905, pl. XIX), хотя, как отмечал Ю.Я. Перепелкин, это могло быть лишь отражением общей тенденции официального почитания Нефертити (Перепелкин 1979, 17).

⁷⁹ Arnold 1996, 94, fig. 85; Martin 1974, pls 6–9; 19, 20 (2). Интерпретация изображений Нефертити на углах царского саркофага как субститута богинь-защитниц умершего основывается на аналогичном размещении фигур богинь Исиды, Нефтиды, Нейт и Серкет на саркофагах царей конца XVIII династии – Тутанхамона, Эйе и Хоремхеба. Согласно Э. Хорнунгу, Нефертити выступала в роли богини-защитницы царя (Hornung 1999, 101). Какие-либо «пропагандистские» цели, рассчитанные на широкий круг подданных, в данном случае представляются нам маловероятными, поэтому, роль Нефертити несомненно определялась ее местом в солнцепоклоннической теологии. Другой вопрос состоит в том, что именно вкладывалось в божественный статус Нефертити? В связи с этим при интерпретации изображений Нефертити как богини-защитницы царя, обращает на себя внимание иконография царской супруги, представленной в традиционном головном уборе, имеющим коннотации с богиней Хатхор (!) – в диадеме, украшенной двойным «хаторическим» уреем, и в композитной «хаторической» короне.

Тем не менее остается все же неясным, почиталась ли Нефертити, занявшая место элиминированных образов древних богинь, как настоящая богиня⁸⁰, или же в демифологизированной теологии Атона царская супруга была лишь сакрализованной фигурой-субститутом? Широко распространенной в современной египтологии интерпретацией официальной репрезентации царской семьи (Атон-Эхнатон-Нефертити) является точка зрения об адаптации теологией солнцепоклонничества древней гелиопольской космогонии (Атум-Шу-Тэфнут) и об отождествлении Эхнатона и Нефертити с первой парой божеств Шу и Тэфнут – детьми Атона⁸¹. Согласно этой точке зрения, Эхнатон являлся земным воплощением Шу, а Нефертити – Тэфнут⁸². Выдвигалось предположение и об отождествлении царской супруги с Маат, поскольку в некоторых сценах культа Нефертити изображена протягивающей Атону фигурку Маат (Карнак)⁸³ или же собственное миниатюрное изображение, как если бы то была Маат (Ахетататон)⁸⁴. Тем не менее, несмотря на выдвинутые аргументы в пользу отождествления Эхнатона и Нефертити с Шу и Тэфнут, определение теологической роли Нефертити как персонификации Тэфнут в условиях нарастающего амарнского богоборчества все-таки представляется нам крайне маловероятным. Не вдаваясь в детали доводов в пользу данной теологической модели, заметим только, что имеющиеся источники все же не позволяют с уверенностью проводить прямые параллели между иконографией Тэфнут и Нефертити. И если Эхнатон, действительно, неоднократно прямо сравнивается в текстах амарнского периода с Шу⁸⁵, то аналогичное сопоставление Нефертити с Тэфнут, в том числе посредством иконографии, надежного подтверждения не находит⁸⁶. Следовательно, вопрос о принятом в настоящее время за факт отождествлении Нефертити с богиней Тэфнут по меньшей мере надо признать открытым.

Но какова бы ни была интерпретация теологической роли Нефертити и как бы ни было соблазнительно видеть в ней в том или ином качестве олицетворение божественного женского начала, не подлежит сомнению одно – в контексте солнцепоклоннической религии она занимала второстепенное положение по отношению к царю; в этой связи напомним, что, согласно амарнской теологии, исключительным выразителем воли Атона был лишь царь⁸⁷. И только ему, как свидетельствует текст Большого Гимна, было по-настоящему ведомо учение «отца его Атона»: «Ты в моем сердце, и нет другого, который познал бы тебя, кроме твоего сына Неферхепура – (единственного для Ра)». Ты даешь, чтобы он был сведущим в

⁸⁰ Tawfik 1973, 84–85; Перепелкин 1979, 16; Arnold 1996, 93–96.

⁸¹ Вероятная адаптация Эхнатоном древней гелиопольской солярной теологии неоднократно комментировалась различными исследователями. См., например: Harris 1977, 5–10; Rahman Abd-ur 1959, 247–249; Hornung 1999, 57; Assmann 1995, 80–81; 2001, 177–183, 208–218.

⁸² Johnson 1999, 46; Freed 1999, 113–114. См. также: Stevens 2006, 5; Franco 2008, 465, cat. 205.

⁸³ Сцены жертвоприношений из Карнака (Tawfik 1979, 338, fig. 4; Smith, Redford 1976, 83, 3). В сценах жертвоприношений Атону в Амарне фигурка Маат больше не встречается (Smith, Redford 1976, 24), что, вероятно, явилось результатом отказа от антропоморфного изображения Маат. Ср.: Hornung 1999, 74.

⁸⁴ Гробница Ипи (Davies IV, 1906, pl. XXXI). Например, как в сцене подношения Маат Эхнатоном на карнакских талютах (Vergnieux, Gondran 1997, 149).

⁸⁵ Перепелкин 1979, 265–267.

⁸⁶ Gabolde 2005, 155–170.

⁸⁷ Redford 1980, 25–26, 30.

твоих помыслах и в твоей силе» (*nn wn ky rh(w) tw wpw-hr s3.k (Nfr-hprwrꜥ Wꜥ-n-rꜥ)*)⁸⁸. Таким образом, сакральную роль Нефертити в контексте солнцепоклоннической религии, которую большинство современных исследователей амарнского периода расценивают практически равной царской, приходится признать весьма преувеличенной.

Подводя краткий итог всему вышесказанному, мы полагаем, что возросшее к середине XVIII династии значение женщин из ближайшего окружения царя (его матери, великой супруги и в меньшей степени царевен) явилось прямым следствием идеологически обусловленной сакральной роли, отведенной им в рамках института царской власти, хотя это ни в коей мере не значит, что на выдвижение на первый план представительниц царской семьи не оказывали влияния династические и индивидуальные предпосылки. Таким образом, с нашей точки зрения, в основе особого акцента на фигуре царской супруги (достигшего кульминации в лице Нефертити) прежде всего лежали изменения в новоегипетской идеологии с явно выраженной уже при Аменхотепе III тенденцией к отождествлению царственной пары с божественной парой. Именно с этих позиций и нужно, как нам представляется, вести дальнейшее исследование характера официальной репрезентации представительниц царского дома эпохи Нового царства и особенностей их сакральной роли.

ЛИТЕРАТУРА⁸⁹

Ассман, Я. 1999: Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.
 Перепелкин, Ю.Я. 1979: Кэйе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М.

REFERENCES

- Akhénaton et Néfertiti. Soleil et ombres des pharaons.* 2008. Genève.
 Aldred, C. 1988: *Akhenaten. King of Egypt.* London.
 Arnold, D. (ed.) 1996: *The Royal Women of Amarna. Images of Beauty from Ancient Egypt.* New York.
 Assman, J. 1999: *Egipet: teologiya i blagochestie rannei zivilizazii [Egypt: theology and piety of early civilization].* Moscow.
 Assmann, J. 1995: *Egyptian Solar Religion in the New Kingdom. Re, Amun and the Crisis of Polytheism.* London–New York.
 Assmann, J. 2001: *The Search for God in Ancient Egypt.* London.
 Baines, J. 2001: The Dawn of the Amarna Age. In: E.H. Cline, D. O'Connor (eds.), *Amenhotep III. Perspectives on His Reign.* Michigan, 271–312.
 Bayer, C. 2013: *Die den Herrn Beider Länder mit ihrer Schönheit erfreut. Teje. Eine ikonographische Studie.* Wiesbaden.
 Bickel, S. 1994: *La cosmogonie égyptienne avant le Nouvel Empire.* Göttingen.
 Bickel, S. 2002: Aspects et fonctions de la déification d'Amenhotep III, *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 102, 63–90.

⁸⁸ Davies VI, 19086 pl. XXVII. Именно поэтому точка зрения Дж. Уилсона о Нефертити как проводнике воли Атона представляется неубедительной (Wilson 1973, 239).

⁸⁹ Поскольку список литературы и references полностью совпадают (за исключением двух работ на русском яз.) редколлегия приняла решение не дублировать список работ на иностранных яз.

- Borchardt, L. 1913: *Das Grabdenkmal des Königs Sa3hu-Re*. Bd I. *Die Wandbilder. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Abusir 1902–1908*. Leipzig.
- Cabrol, A. 2000: *Aménhotep III le Magnifique*. Monaco.
- Davies, N. de G. 1903–1908: *The Rock Tombs of el Amarna*. Vols I–VII. London.
- Davies, N. de G. 1941: *The Tomb of Vizier Ramose. Mond Excavations at Thebes I*. London.
- Fermat, A. 2011: *Le livre de Chou. Traité égyptien de la lumière. Textes des Sarcophages, Chapitres 75 à 83*. Paris.
- Freed, R. 1999: *Art in the Service of Religion and the State*. In: R. Freed, Y.J. Markowitz, S.H. D’Auria (eds.), *Pharaohs of the Sun. Akhenaten. Nefertiti. Tutankhamen*. Boston–New York–London.
- Gabolde, M. 1998: *D’Akhenaton à Toutânkhamon*. Lyon.
- Gabolde, M. 2015: La tiare de Nefertiti et les origines de la reine. In: R. Jasnow, K.M. Cooney (eds.), *Joyful in Thebes. Egyptological Studies in Honor of Betsy, M. Bryan*. Atlanta, 155–170.
- Gayet, A. 1894: *Le Temple de Louxor*. Paris.
- Grandet, P. 1995: *Hymnes de la religion d’Aton (Hymnes du XIVe siècle avant J.-C.)*. Paris.
- Graves-Brown, C. 2010: *Women in Ancient Egypt. Dancing for Hathor in Ancient Egypt*. Auckland.
- Green, L. 1992: Evidence for the Position of Women at Amarna. In: C.I. Eyre (ed.), *Proceedings of the Seventh International Congress of Egyptologists*. Cambridge.
- Haeny, G. 1981: *Untersuchungen im Totentempel Amenophis III*. Wiesbaden.
- Harris, J. 1977: Akhenaten or Nefertiti? *Acta Orientalia* 38, 5–10.
- Hayes, W.C. 1959: *The Scepter of Egypt*. Pt. II. *The Hyksos Period and The New Kingdom (1675–1080)*. New York.
- Hornung, E. 1999: *Akhenaten and the Religion of Light*. Ithaca.
- James, T.G.H. 1974: *Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum, I. From Dynasty I to the End of Dynasty XVIII*. New York.
- Johnson, W.R. 1999: The Setting: History, Religion, and Art. In: R. Freed, Y.J. Markowitz, S.H. D’Auria (eds.), *Pharaohs of The Sun. Akhenaten. Nefertiti. Tutankhamen*. Boston–New York–London, 38–49.
- Johnson, W.R. 2001: Monuments and Monumental Art under Amenhotep III: Evolution and Meaning. In: D. O’Connor, E.H. Cline (eds.), *Amenhotep III. Perspectives on His Reign*. Ann Arbor, 63–94.
- Kemp, B.J. 1989: *Ancient Egypt: anatomy of a civilization*. London.
- Kozloff, A.P., Bryan, B.M., Berman, L.M. (eds.) 1992: *Egypt’s Dazzling Sun. Amenhotep III and His World*. Cleveland.
- Kozloff, A.P., Bryan, B.M., Berman, L.M., Delange, E. (eds.) 1993: *Aménophis III le Pharaon-Soleil*. Paris.
- Leclant, J. 1965: Fouilles et travaux en Égypte et Soudan, 1963–1964, *Orientalia* 34. Fasc. 1. Roma, 175–232.
- Lohwasser, A. 2001: Queenship in Kush: Status, Role and Ideology of Royal Women. *Journal of the American Research Center in Egypt* 38, 61–76.
- Manniche, L. 2001: Royal Family. In: D.B. Redford (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Vol. III. Oxford, 157–159.
- Martin, T.G. 1974: *The Royal Tomb at El-‘Amarna. The Rock Tombs of El-‘Amarna*. Pt. VII. *The Objects*. I. London.
- Martin, T.G. 1989: *The Royal Tomb at El-‘Amarna. The Rock Tombs of El-‘Amarna*. Pt. VII. *The Reliefs, Inscriptions and Architecture*. II. London.
- O’Connor, D., Silverman, D. (eds.) 1995: *Ancient Egyptian Kingship*. Leiden–New York– Köln.
- Perepelkin, Yu.Ya. 1979: *Keye i Semnekh-ke-re. K iskhodu solnzepoklonnicheskogo perevorota v Egipte [Keye and Semnkhkare-ke-re. Towards the end of the sun-worshipping]*. Moscow.

- Rahman Abd-ur, M.H. 1959: The Four Feathered Crown of Akhenaten. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 56, 247–249.
- Redford, D.B. 1980: The Sun-Disc in Akhenaten's Program: its Worship and Antecedents, II. *Journal of the American Research Center in Egypt* 17, 21–38.
- Redford, D.B. 1987: *Akhenaten The Heretic King*. Princeton.
- Redford, D.B. 1995: *The Concept of Kingship during the Eighteenth Dynasty*. In: D. O'Connor, D. Silverman (eds.), *Ancient Egyptian Kingship*. Leiden–New York– Köln, 157–184.
- Robins, G. 2001: Queens. In: D.B. Redford (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Vol. III. Oxford, 105–109.
- Schiff-Giorgini, M. (ed.) 1998: *Soleb V: Le temple. Bas-reliefs et inscriptions*. Le Caire.
- Schiff-Giorgini, M. 1965: Première campagne de fouilles à Sedeinga 1963–1964. *Kush* 13, 112–130.
- Smith, R.W., Redford, D.B. 1976: *The Akhenaten Temple Project*. Vol. I. *Initial Discoveries*. Warminster.
- Speiser, C. 2010: *Offrandes et purifications à l'époque amarnienne*. Turnhout.
- Stevens, A. 2004: The Amarna Royal Women as Images of Fertility: Perspectives on a Royal Cult. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 4. Leiden. 107–127.
- Stevens, A. 2006: *Private Religion at Amarna. The material Evidence*. Oxford.
- Tawfik, S. 1975: Aton Studies 3: Back again to Nefer-nefru-Aton. *Mitteilungen des Deutschen Instituts für Ägyptische Altertumskunde in Kairo*. 31.3. Kairo, 159–168.
- Tawfik, S. 1979: Aton Studies. 5: Cult objects on blocks From the Aton Temple(s) at Thebes. *Mitteilungen des Deutschen Instituts für Ägyptische Altertumskunde in Kairo*. 35. Kairo, 335–344.
- The Tomb of Kheruef. Theban Tomb 192*. Chicago, 1980.
- Traunecker, C. 2005: Néfertiti, la reine sans nom. In: *Akhénaton et l'époque amarnienne*. Paris, 117–133.
- Troy, L. 1986: *Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History*. Uppsala.
- Troy, L. 2002: The Ancient Egyptian Queenship as an Icon of the State. *NIN* 3. Iss. 1, 1–24.
- Troy, L. 2008: The Queen as a Female Counterpart of the Pharaoh. In: C. Ziegler (ed.), *Queens of Egypt. From Hetepheres to Cleopatra*. Monaco, 154–170.
- Tyldesley, J. 2012: Foremost of Women: The Female Pharaohs of Ancient Egypt. In: R.H. Wilkinson (ed.), *Tausret. Forgotten Queen and Pharaoh of Egypt*. Oxford, 5–24.
- Van de Walle, B. 1980: Survivances mythologiques dans les coiffures royales de l'époque atonienne. *Chronique d'Égypte* 55, Bruxelles, 23–36.
- Vergnieux, R., Gondran, M. 1997 : *Aménophis IV et les pierres du soleil. Akhénaton retrouvé*. Paris.
- Wente, E. 1969: Hathor at the Jubilee. In: *Studies in Honor of John A. Wilson*. Chicago, 83–91.
- Wilson, J.A. 1973: Akh-en-Aton and Nefert-iti, *Journal of Near Eastern Studies* 32. Chicago, 235–241.

SOME ASPECTS OF THE GREAT KING'S WIFE SACRAL ROLE
DURING THE REIGNS OF AMENHOTEP III AND AKHENATEN

Vladimir A. Bolshakov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
vb.scriba@gmail.com

Abstract. The paper deals with the sacral role of the Great King's Wife in the context of the ideology of the second half of the Eighteenth dynasty, particularly during the reigns of

Amenhotep III and Amenhotep IV (Akhenaten). The author believes that the sacral role of the King's Wife consists of two interconnected aspects: the cultic and ceremonial aspect and the theological one. The main attention of the study is paid to the revealing of possible ideological premises of the unprecedented rise of principal female representatives of the Royal Family, Queens Tiye and Nefertiti. The main evidence of the important position of both Queens is mainly attested not only by new elements of their iconography, but also by their titles and epithets. The overview of available figurative and epigraphic sources related to Tiye let to conclude the direct connection between the official manner of representation of the Royal couple as a divine couple and new theological tendencies in the Egyptian religion under Amenhotep III.

According to the author's point of view, the "new solar theology" developed during the second part of Amenhotep III's reign with its specific concentration on the idea of the supreme solar deity. It was a starting point of radical sun-worshipping reform of Akhenaten. In this context, the unusually important position and the sacral role of Nefertiti is viewed as a consequence of further development of theological thought of the preceding reign. Thus, some symbolic elements of Nefertiti's iconography (especially of the early years of Akhenaten's reign) allow talking about a continuity to some degree of ideological traditions characteristic for Amenhotep III's time. In connection with the hypothesis concerning the presumed adaptation by Akhenaten of the ancient Heliopolitan cosmogony the question of Nefertiti divine status in the Amarnian theological system is also raised.

Keywords: Ancient Egypt, New Kingdom, Amenhotep III, Tiye, Akhenaten, Nefertiti, Ancient Egyptian religion, ideology of Kingship, Queenship
